

Хунши в деталях восстанавливал в памяти всё, что они сегодня делали. Пожалуй, Второй дядя потерял самообладание лишь при встрече с Хунвэем.

«Должно быть, именно тогда он всё и понял. Ну и глаз у него — острый как бритва»

К слову, в прошлой жизни у Баочэна почти не было близких среди дядьёв. Разве что Третий... А ведь покойный император его предал!

«Брат, ну и неудачник же ты в прошлой жизни... Хотя, с другой стороны, это лишь доказывает твою силу и изворотливость. Сражаться в одиночку против восьмерых, лишиться титула и вернуть его снова...»

«Так, стоп, унесло не в ту степь!»

Хунши злился на свою привычку отвлекаться по пустякам — с тех пор как он переродился, мысли его вечно витали в облаках.

«Неужели это всё из-за детского тела? У детей ведь вечно ветер в голове...»

«Так, надо думать о деле»

Этот человек явно не замышляет дурного. Тот, кто сумел разглядеть Иньжэна, должен был знать его слишком хорошо. Значит, тех, у кого с ним была большая разница в возрасте, можно сразу исключить.

Оставался единственный ответ.

Осознав это, Хунши невольно округлил глаза. Он искоса взглянул на сидевшего рядом мужчину — судя по всему, своего Старшего дядю. Тот выглядел искренне встревоженным, и Хунши окончательно растерялся.

«В прошлой жизни они были злейшими врагами, готовыми перегрызть друг другу глотки, а теперь сидят в одной карете и изображают заботу! Один без сознания, второй — вместо подушки... Как же дико всё это выглядит...»

Впрочем, раз этот великий муж тоже переродился, да ещё и сам Хунши умудрился сохранить память, минуя чашу Мэнпо... Что же ждёт их в будущем?

Хунши тряхнул головкой, отгоняя лишние мысли. Сейчас важнее было разобраться с тем, что происходит здесь и сейчас.

После недолгих размышлений он решил прикинуться дурачком.

«Какая разница. Я ничего не знаю. Раз он молчит, то и я буду помалкивать. Главное сейчас — здоровье брата»

Старый лекарь Лю, благообразный старец с манерами даосского мудреца, положил пальцы на запястье Иньжэна. Поглаживая седую бороду, он с глубокомысленным видом долго хранил молчание, после чего со вздохом изрёк:

— Гнев сокрушил разум, нарушена работа печени и селезёнки, кровь и ци взбунтовались...

Слушая эти путанные, заумные речи, Хунши едва сдерживался, чтобы не пнуть стул. На лбу его вздулась вена.

«Гнев сокрушил разум? Ещё бы! Услышать, что твоей кровинушке, твоему любимому сыну, причинили зло по ложному обвинению — тут у кого угодно сердце разорвётся! Брат кровью харкал, неужто не ясно, что дело худо?!»

Натянув на лицо дежурную, фальшивую улыбку, Хунши спросил как можно спокойнее:

— Господин Фуканъань говорил, что вы великий целитель. Почтенный мастер, вы ведь сможете вылечить моего брата?

Лекарь, конечно же, уловил за маской детской наивности глубокую тревогу. Однако забавный вид трёхлетнего малыша, который силился казаться взрослым и степенным, мгновенно растопил остатки его недовольства. Лю едва сдержал улыбку, сиюсь сохранить строгое выражение лица. Он мельком взглянул на Иньти, который не сводил глаз с лежащего на постели ребёнка.

«Кого только этот господин ко мне ни приводит — один чуднее другого. Да и у лежащего характер, видать, не сахар: довести себя до такого в столь нежном возрасте... Счастье ещё, что они попали ко мне»

Обернувшись к столу, старик взял кисть и, принявшись набрасывать рецепт, заговорил:

— Маленький господин, когда вернётесь, вам стоит почаще напоминать брату, чтобы он не принимал всё так близко к сердцу. В раннем детстве он перенёс тяжёлый недуг и так и не восстановил силы до конца. Если он продолжит изводить себя, это сильно укоротит ему век.

Старый лекарь отложил кисть, подождал, пока подсохнет тушь, и протянул бумагу Иньти.

— То, что он срыгнул кровью, даже к лучшему — вышла застоявшаяся горечь. Но терять

жизненные силы в такие лета крайне опасно. Ему необходим покой и бережный уход.

Хунши, наблюдавший за лекарем, едва не задохнулся от возмущения.

«Рецепт ведь предназначался мне! Почему он отдаёт его постороннему?»

Ладно, пусть в прошлой жизни они были близки, но ведь ключевое слово — в прошлой! Хунши сердито уставился на Иньти, но тот лишь ответил ему ироничным взглядом, заставив мальчика недовольно отвернуться.

Покачав головой при виде безмолвной дуэли этих двоих, старый лекарь тихо покинул комнату.

«Ну и дети нынче пошли... Настоящие чертенята!»

Глядя на то, как по-детски дуется Хунши, Иньти на мгновение усомнился в своих подозрениях. Может, он просто стал излишне мнительным? Покачав головой, он вернулся к изучению рецепта.

Не желая уступать, Хунши уставился на Иньти, который с глубокомысленным видом изучал бумагу, и язвительно бросил:

— Фуканъань, ты что, в медицине разбираешься?

«Если нет, нечего тут умный вид строить!»

Почувствовав явную неприязнь со стороны мальчика, Иньти лишь снисходительно улыбнулся.

— Немного понимаю, — спокойно ответил он, протягивая лист Хунши. — Спрячь. Лекари в твоём дворце излишне трусливы. В погоне за безопасностью они скорее навредят, чем вылечат. — Подумав, он негромко добавил: — Ты ведь и сам желаешь ему блага.

Хунши со злостью выхватил рецепт и пробежал по нему глазами, намертво врезая строчки в память. Разумеется, заносить эту бумагу во дворец было нельзя. Больше всего Баочэн в этой жизни твердил ему одно: «Никогда не оставляй следов». И пусть это был всего лишь рецепт, кто знает, как его могут использовать недоброжелатели?

Смяв плотный лист в кулаке, Хунши демонстративно проигнорировал многозначительный взгляд Иньти. Он сделал вид, будто в комнате никого нет, и повернулся к лежащему на постели Иньжэну. Лицо мальчика вновь омрачилось тревогой.

В комнате воцарилась тишина. Хунши взобрался на край постели, бережно взял Иньжэна за

руку и прижал его холодную ладонь к своей щеке, отчаянно пытаясь согреть её и убедиться, что брат всё ещё здесь, с ним.

Иньти молча созерцал эту картину: бледного, едва дышащего Иньжэна на кровати и сжавшегося рядом Юнцзина. Взгляд его потемнел. Он размышлял о том, кем на самом деле мог быть этот ребёнок, как вдруг услышал его не по-детски серьёзный голосок:

— Благодарю за помощь, молодой господин Фуча. Впредь Юнцзин непременно отплатит вам за эту услугу.

Малыш выпрямился и повернул голову. На его губах играла мягкая, сдержанная улыбка, но в бездонных чёрных глазах сквозила такая глубина, от которой Иньти повеяло чем-то до боли знакомым.

Отогнав лишние мысли, Иньти вежливо ответил:

— Тринадцатый принц преувеличивает. Я лишь исполнил свой долг. Позвольте откланяться.

Бросив на Иньжэна ещё один долгий, нечитаемый взгляд, он развернулся и стремительно вышел из комнаты.

Вспомнив, какими глазами Старший дядя смотрел на Иньжэна перед уходом, Хунши тихо вздохнул.

«Слава богу, этот старик не стал церемониться и кланяться мне!»

Он коснулся бледного лба брата и нахмурился ещё сильнее.

«Нужно поскорее возвращаться в Запретный город, пока мы не впутались в очередные неприятности»

Хунши только собирался позвать слуг, как в дверях появился Линь Яо. Держа в руках чашу с тёплым отваром, он низко поклонился:

— Маленький господин, лекарь велел принять это снадобье.

Хунши кивнул и подвинулся. Линь Яо всё ещё колебался, не зная, стоит ли заговорить, но мальчик уже сбросил туфли и забрался на постель. Он осторожно приподнял Иньжэна, прижимая к своей груди, и опустил веки.

«У Фуканъаня нет дурных намерений»

Что бы там ни было, в глазах Старшего дяди отразилась целая буря чувств: тоска, настороженность и даже крупницы жалости... Но там не было ненависти. Он не желает зла Второму дяде.

Выйдя на улицу, Иньти сразу направился к кабинету лекаря Лю. Тот не без удивления взглянул на гостя и усмехнулся:

— Вы же уверяли, что терпеть не можете этот тошнотворный запах трав?

Иньти остался предельно серьёзен:

— Старый лекарь Лю, как его состояние? Есть ли способ вернуть ему силы?

Лекарь лишь усмехнулся:

— Я ведь только что всё разъяснил.

Но заметив выражение лица собеседника, старик посерьёзnel.

— Этот ребёнок ведь из тех мест, верно? — тихо спросил он, угадывая дворцовое происхождение мальчика. — С таким слабым здоровьем ему придётся несладко. Он исторг кровь из самого сердца, и за один день этот недуг не вылечить. Потребуются годы заботы.

Иньти надолго замолчал, а затем вдруг негромко спросил:

— Старый лекарь Лю, ваше предложение обучить меня врачеванию всё ещё в силе?

Старик строго зыркнул на него из-под кустистых бровей:

— Безусловно.

Лицо Иньти озарила широкая улыбка.

— Тогда, надеюсь, вы не станете возражать против ещё одного непутёвого ученика?

До самого отъезда Хунши так больше и не встретил ни лекаря, ни Иньти. Не зная, радоваться этому или огорчаться, он велел Ли Сяну оставить на столе несколько крупных отборных жемчужин в знак благодарности, и они тронулись в путь.

Карету мерно покачивало. Хунши крепче прижал к себе худое тело брата и уткнулся лицом в

его грудь. На душе у него было горько: он злился на собственное бессилие и наивность. Последние годы его слишком баловали. Второй дядя оберегал его, матушка-императрица души не чаяла... И вот, стоило случиться неожиданному, как он растерялся и повёл себя точно глупый ребёнок. В этот раз им повезло встретить Старшего дядя, который не держал зла на Иньжэна. А что будет в следующий раз?

Если уж душа Второго дяди вернулась в мир смертных, если сам он переродился, да ещё и старый враг оказался рядом под именем Фуканъаня... Кто знает, скольким ещё суждено вернуться? И кто поручится, что они не принесут с собой вековую злобу и жажду мести?

Прожив две жизни, пора бы уже усвоить простой закон: в этом пропитанном кровью дворце без власти ты никто. Ты не сможешь выжить, а главное — не сможешь защитить тех, кто тебе дорог.

Власть! Никогда ещё Хунши не жаждал её столь отчаянно.

По дороге домой Иньти в унынии размышлял, как объясняться с отцом этой жизни — верным сподвижником императора Цяньлуна, господином Фухэном. Случившееся сегодня невозможно утаить, и оправдаться будет крайне непросто.

«Но ведь это Баочэн... Я просто не могу бросить его в беде»

Он прижал ладонь ко лбу и горько усмехнулся. Ему казалось, что рождение вне стен Запретного города принесёт желанное освобождение. Но у судьбы были свои планы: даже вдали от этого проклятого места дороги всё равно вели обратно. И на сей раз ему придётся шагнуть туда по собственной воле.

Иньти со вздохом покачал головой. Вспомнив кислую мину слуги, который приехал за ним, он бессильно откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Вернувшись в усадьбу Фуча, Иньти засвидетельствовал почтение своей нынешней матушке, госпоже Гуалгии, и сразу ушёл к себе. В комнате за столом сидел маленький мальчик, прилежно выводящий иероглифы. Вспомнив тайные донесения, которые он читал в экипаже, Иньти почувствовал, как сердце его сжалось от жалости. Он подошёл, сгрёб ребёнка в охапку и ласково потрепал по щеке.

«В прошлой жизни тебе изрядно досталось. Что ж, теперь я о тебе позабочусь»

При воспоминании о том, как Иньжэн харкал кровью из-за этого сорванца, Иньти зажмурился. Когда лекарь Лю рассказывал о состоянии Баочэна, его собственное сердце сжала такая невыносимая, парализующая паника, какой он не испытывал даже на краю гибели в прежней жизни.

«Этого мальчишку нужно беречь как зеницу ока. Не дай бог с ним что-то случится — Баочэн этого просто не переживёт»

Малыш на его руках уже давно привык к странностям своего старшего брата и попросту их игнорировал. Должно быть, ищейки этого сумасшедшего опять откопали какие-то тайны давно минувших лет, вот у бедняги снова и помутился рассудок.

Совершенно не заботясь о приличиях, Хунси — в этой жизни носивший имя Фучанъань и прозвище Чэнчжай — по-взрослому тяжело вздохнул. Теперь-то он понимал: поначалу соперничество между его Старшим дядей и отцом было обычной братской грызнёй, но интриганы умело раздули это пламя. За последние годы дядя относился к нему вполне сносно, и Хунси даже упрекал себя за то, что раньше тратил столько сил, пытаясь разгадать его замыслы. Слишком много чести для человека, который не представлял для него ровным счётом никакой угрозы.

Второй сын Фухэна, Фулунъань, выслушав отчёт слуг, едва не лишился чувств.

«Стоило мне отлучиться на пару часов, как наш несносный младший спелся с Двенадцатым принцем! Какая муха его укусила?!»

Он в ярости уставился на трепещущего перед ним слугу:

— Ничтожества! Он же просто ребёнок! Вы что, не могли удержать Яолиня?!

Слуги мысленно взвыли от несправедливости:

«Да когда третий молодой господин улыбается, у нас кровь в жилах стынет пуще, чем от гнева самого хозяина! Если уж вы, господин, с ним совладать не можете, то куда нам-то соваться?»

Фулунъань со злостью заскрежетал зубами.

«Ну погоди, Яолинь, вернёшься ты домой...»

В этот момент вбежал слуга с докладом: приехал третий молодой господин.

Не успел Инъти предаться философским размышлениям, как ворвавшийся Фулунъань бесцеремонно схватил его под локоть и потащил в кабинет отца.

Заметив, какими сияющими от злорадства глазами провожает его Хунси, Инъти мысленно взвыл:

«Почему у Баочэна в этой жизни понимающий и любящий брат, а я должен нянчиться с племянником, который спит и видит своего ненаглядного папашу?!»

<http://bllate.org/book/18338/1790920>